

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУР

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли современной этносоциологии в широком исследовании этнонациональных проблем, затрагивающих широкий круг общественных отношений и связанных с развитием культуры. Особо подчеркнута «ситуация» этносоциологии в связи с междисциплинарным взаимодействием различных социогуманитарных наук и отраслей социологического знания. Обозначение проблем современной этносоциологии как отрасли социологической науки связано с тем, что роль этнических вопросов как таковых значительно актуализируется в различных странах мира и затрагивает почти каждого человека.

Основным методологическим подходом выступает междисциплинарный подход, позволяющий представить вопросы этносоциологии в системе современного социально-гуманитарного знания.

Научная новизна заключается в том, что обосновывается необходимость изучения в рамках этносоциологического исследования не только разносторонних общественных отношений, но и проблем социокультурного характера. Показаны эвристические возможности этносоциологии в изучении таких социокультурных факторов как этничность и ментальность, их влияния на развитие широкого круга социальных явлений и феноменов.

Ключевые слова: культура, общество, этносоциология, этничность, полиэтничность, социология, общественные отношения, этнонациональная специфика, полиэтничный социум, ментальность.

Сложность этнонациональных проблем в любой культуре и в любом обществе чувствительна и для социально-гуманитарного знания, поскольку исследователь почти всегда оказывается на зыбкой почве этнических стереотипов или же тайн ментальности. С одной стороны, эти тайны позволяют снова и снова возвращаться к интересующим проблемам, но с другой — нередко высказываемые обобщения либо излишне политизированы, либо недалеки от националистических выпадов. Наука, разумеется, обязана отстаивать объективный взгляд на вещи, и если речь идет об этнических вопросах, быть предельно внимательной к тем выводам, которые могут повлиять на смену акцентов в восприятии отношений «на национальной почве».

Этносоциология — отрасль социологической науки сложная, вынужденная прибегать и к методологическим установкам других сфер познания, и к категориальному аппарату этнологии. В целом объектно-предметное поле этносоциологии имеет четкие ориентиры, но все же ее эвристические ре-

сурсы не до конца определены. Вызвано это прежде всего тем, что интересы этносоциологии простираются вглубь общественных отношений, связанных не только и не столько нормой права как установлением государственной воли, а нормами с более выраженными ценностно-смысловыми свойствами, затрагивающими дух рода, корни этноса, святыни и ценности племен и семей. Конечно, изменение человека за последнее время, его очевидные потребительские наклонности и перемещение в систему разрушенных социальных стереотипов, его попустительство относительно собственной культуры, равно как и трансформационные процессы в самой культуре, не могут не сказаться на перверсии традиционных норм и ценностей для того или иного этнического социума. Проблемы этнического свойства неизбежны в полиэтничном социуме, но вместе с тем они стали носить в большей степени латентный характер, а значит, они накапливаются до той поры, когда способны выплеснуться в социум и привести к серьезным последствиям.

Любая область знания, как водится, имеет или должна иметь свой научный аппарат, измеряемый не только стандартным «набором» обязательных атрибутов, которые, кстати говоря, в иных случаях сформулировать довольно непросто, но и обязательно сопряженный с проблемным полем дисциплины. Постановка проблем однако вовсе не гарантирует цельность знания, но все же позволяет увидеть некие перспективы научного поиска. В случае с этносоциологией сложности возникают на всех этапах концептуализации данной отрасли социологии. В этой связи можно, например, утверждать этносоциологию как «элемент» социологии культуры, не чуждой проблематики этнокультурного плана, но вместе с тем представляется очевидным некая эпистемологическая обособленность этносоциологии хотя бы на том основании, что сложность «охвата» этносоциальных характеристик народов и территорий требует не просто большой методической, так сказать, усидчивости исследователя, но и философской прозорливости — необходимо конечно же видеть не только срез этнонапряженности в регионе или среди определенной национальной группы, но и «вхождение» в национальную идею. А это уже вопрос, лежащий в плоскости мировоззрения и философской рефлексии, а, следовательно, всегда глубокий и дискуссионный.

«Случай» этносоциологии (именно *случай* с акцентом на установление теоретико-методологических приоритетов и исследовательских возможностей на современном этапе развития отрасли) можно было бы, как нам кажется, объяснить несколькими важными моментами и, прежде всего, не упустить из виду конституционный ракурс выстраивания иерархии этнонациональных ценностей и норм для российского народа. Так, в преамбуле действующего Основного закона Российской Федерации названы фундаментальные установления, которым, раз они занесены на скрижали высшего закона государства, придается особая ценность и юридический смысл. Речь здесь идет о таких ценностно-смысловых комплексах как судьбинность («общая судьба на своей земле» и «ответственность за свою Родину»), историческая память (почитание «памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству»), суверенность («суверенная государственность России»), дружба народов (осознание себя «частью мирового сообщества»). Очевидно, что исследование любого из этих комплексов в рамках социально-гуманитарной науки уже само по себе может быть самодостаточным, но

возможный уклон в сторону национальной идеи и этнонациональных отношений выводит на первую линию опытный потенциал именно этносоциологии. Кроме того, этносоциология оказывается на перепутье институциональных форм «этничности» и свойств человека, для которого факты его идентичности и толерантности «по национальному признаку» всегда очень индивидуализированы и окрашены дополнительными коннотациями (зачастую, возможно, и криминального характера с экстремистскими или националистическими проявлениями). Как полагает Г.И. Козырев, «интериоризируя социальный мир, индивид обретает свою идентичность с определенной социальной группой, этносом, культурой. Социальные ценности и нормы становятся своими внутренними нормами, а социальный контроль превращается в самоконтроль»¹. «Стяжки» социального мира задают человеку его идентичность, определяют правила поведения в соответствии с установленными в обществе системами ценностей и норм, но существует и иной модус идентичности — *культурный*. Если бы современные «натуралисты» (и нередко социологи, и философы в их числе) не видели в культуре по-прежнему как тысячи лет назад совокупность всего того, что порождено человеком и человечеством, возможно, отношение к культуре стало бы иным; на самом деле культурой называется не то, что произведено и сделано. Культура — это духовно-консолидирующий стержень этноса и нации. А социальный мир пожиная плоды разрушенных идентичностей именно по причине разрывов человека и культуры. Человек оказывается «под колпаком» не культуры, а именно социального мира, устанавливающего для него заданные критерии идентичности — подчинение определенному социуму и его нормам. «Претензии» общества на личность столь широки, что очерченные границы идентификации в социальном смысле для социологического исследования не представляют какой-либо сложности. Действительно, основной постулат — каждый этнос предельно своеобразен и уникален — позволяет социологу увидеть широкий спектр «самобытной», к примеру, бедности или, напротив, богатства и достатка в ста случаях из ста исследований этнонациональной специфики общественных отношений и культур. При этом сравнительный анализ полученных данных не

¹ Козырев Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социол. исследования. 2005. № 8. С. 128.

всегда способен отразить истинную картину «преломления» идентичностей — бедность и богатство по определению у разных народов разные — исторические, экономические, социокультурные (знаковые). Возможно, там где бедность зашкаливает, идентичность проявляется с большей силой — население выживает также за счет бережной передачи этнокультурных традиций и ценностей от одного поколения к другому. Этот аспект в этносоциологии может сыграть, на наш взгляд, решающую роль в изучении идентичностей.

«Случай» этносоциологии апеллирует к исследованию культурно подготовленных обществ. Эта категория все чаще появляется в различных работах и заставляет задуматься о механизмах «вживаемости» тех или иных ценностей и норм в конкретную национальную культуру. Утверждение о том, что такие ценности и нормы автоматически передаются и сохраняются поколениями, довольно уязвимо. Больше оснований существует для мнения о необходимости подготавливать различные общества к «носительству» ценностей. Это, по-видимому, вызвано изменением самих ценностно-смысловых комплексов, подверженных политизации и юридизации, процессам овеществления и рационализации. По мысли некоторых исследователей, «...не вызывает сомнения, что культурно подготовленные общества, где большинство социальных групп, представляющих различные слои, интересы, осознанно воспринимают необходимость рецепции, способны к более быстрому осознанному восприятию новых ценностей»². Примечательно — речь идет именно о *быстром* восприятии ценностей и норм; это необходимо современным обществам, для которых ритм жизни ускоряется существенным образом и вынуждает их быстро потреблять, быстро оперировать категориями и социальными статусами, быстро транслировать информацию и, как результат, быстро проживать эту жизнь. В таком ритме однако довольно легко утратить вектор этничности и уникальные черты менталитета (по-видимому, это и происходит в эпоху технизации бытия). И такая утрата может оказаться невозможной. Но с другой стороны, культурно подготовленные общества в своем восприятии окружающей реальности основываются на неких шаблонах культуры или ее уни-

версалиях, неизменно имеющих важное значение для развития культур. Это вневременные и общепризнанные ценности добра, истины, справедливости, нравственности и т.д. Для этносоциологии «возврат» к этим универсалиям, а не только пиетет перед показателями «социального должностояния», является необходимым условием адекватного исследования. Вместе с тем в культурно подготовленных обществах многие способы познания мира могут быть предустановленными, т.е. заданными обществом, а значит, не всегда в истинном ключе отражающими реальный ход вещей. Признание необходимым процессом институционализации культурных отношений и перевод их в систему *социокультурных* координат с выраженными социальными коннотациями по сути заменяет естественное (природное) усваивание ценностей и норм. С другой стороны, «...стремление людей к постоянной рационализации и совершенству, — как полагает С.А. Кравченко, — *в отсутствие гуманистической составляющей*» (курсив автора цитаты. — *Е.П.*), как правило, оборачивается дисфункциональностями в виде невозможных потерь «неправильного» человеческого капитала»³. «Схватывание» культуры превращается в искусственный механизм насыщения ценностями и нормами, но главный вопрос при этом остается в повестке дня открытым — в культурно подготовленных обществах насколько велика степень сохранения этнонациональной специфики, ведь очевидно, что «отсутствие гуманистической составляющей» ставит под сомнение уникальность человека как носителя конкретных культурных ценностей. Человек мира, по всей видимости, в этой ситуации становится самым подходящим символом, отражающим картину сдвигов в культурном развитии.

Этносоциология — это наука и о людях, которые располагают своеобразным иммунитетом перед мощным давлением культурно подготовленного общества, но этот заслон почти всегда указывает на архаичность мировоззрения и бытового поведения носителей культуры. Конечно, выглядит парадоксально ситуация, когда человек, рожденный в России, имеющий предков, проживших всю жизнь в этой стране, практически никак не владеет русским языком и общается на своем национальном наречии. Очевидно, что такая замкнутость в

² Осин В.Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 51.

³ Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социол. исследования. 2013. № 5. С. 10.

собственном этническом пространстве наверняка говорит нам о доминирующих здесь ценностях и нормах рода и кровнородственных отношений. Архаика таких культур не оставляет сомнений в их этнонациональной самодостаточности, но в структуре культурно подготовленных обществ им зачастую не находится места. Носители такой культуры не поспевают за усложнением общественных отношений на разных уровнях человеческой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности. Однако именно этот аспект проблемы, как представляется, в наибольшей степени привлекателен для социологического исследования, поскольку в такой культуре «сублимированные» ценности новой жизни второстепенны, но в то же время ценности этнического свойства выражены так отчетливо, что их срез может привести к заключению о ментальности народа, ее особенностях. Космополитизм культурно подготовленных обществ не позволит получить таких данных и поэтому заметен интерес этносоциологии к изучению прежде всего самодостаточных в этнонациональном смысле культур. Сопутствующее культурно подготовленным обществам явление мультикультурализма лишь подчеркивает хрупкую грань между интеграцией и дезинтеграцией культур⁴. Мультикультурализм зачастую воспринимают как соединение культур или их определенных черт в некое формализованное единство, но, как нам кажется, это и ответ культурно подготовленных обществ тем, которые связь с культурой не утратили, но вместе с тем продолжают избирательно относиться к ее ценностям. Для социологов феномен мультикультурализма — понятие индикативное, позволяющее обнаружить преимущества и недостатки в развитии общественных отношений «на стыке» культур и обществ. При этом, например, качество социальной, экологической среды и социальное самочувствие населения можно представить не только в индексах доступности, защищенности и удовлетворенности жизнью, но и в системе социокультурных «индексов»: 1) способы духовной консолидации населения (не редки ситуации, когда в регионах духовно-консолидирующими комплексами становятся земляки — известные писатели или деятели науки, культуры — как на Алтае фигура В.М. Шукшина); 2) языковая компетенция населе-

ния (важно отметить характер языковой контаминации — на каком языке, государственном или национальном, человеку привычнее изъясняться в повседневной жизни или же в определенных «языковых ситуациях», в достаточной ли степени он владеет обоими языками или каким-то одним — речь здесь, разумеется, идет не только о грамотности, но и о коммуникативных стратегиях; в конечном итоге именно языковая культура лежит в основе сохранения нации⁵); 3) сохранность культурного наследия и его «эксплуатация» в образовательных и просветительских целях и т.д. Возможно, что культурно подготовленные общества имеют в своих «запасниках» все эти социокультурные индексы и демонстрируют умения ими оперировать, что же касается обществ традиционных, признающих инварианты культурного развития и нередко особо чтящих культурные пережитки, то для них этнонациональная специфика (уникальность менталитета и национального характера, прежде всего) — вполне достаточный показатель их социокультурного развития и значимости.

В этносоциологических исследованиях одной из основных категорий является *этничность*. Как и другие категориальные системы подобного плана типа религиозности или, к примеру, гражданственности и патриотичности, этничность одновременно и обобщающий инструмент в руках социолога, и сложный процесс структурирования ценностей и норм в зависимости от самоидентификации или конкретных социальных обстоятельств, и в то же время это атрибут национальной политики, на что, в частности, указывают в своих работах некоторые исследователи⁶. Этничность — это и философская категория, позволяющая судить о вопросах мировоззренческих, указывающих на пути исканий национальной идеи или же собственной неповторимости, но с ориентирами на включенность в мировое культурное пространство, а не обособленность от него. Пожалуй, из всех вопросов именно этот один из сложных и противоречивых. Национальную идею с очевидностью можно рассматривать и как признак автономии нации, и как обязательный признак культурно подготовленного общества, открытого в мировое культурное

⁴ См., например: Следзевский И.В. Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией // Обществ. науки и современность. 2013. № 2.

⁵ См.: Лактионова Н.Я. Языковая культура как условие сохранения нации // Соц.-гуманитарные знания. 2013. № 1.

⁶ См.: Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Степени этничности как основа национальной политики // Социол. исследования. 2013. № 10.

пространство. Вместе с тем если перед носителями культуры поставить вопрос о том, известна ли им национальная идея, сформулированная в их обществе, и какое место она занимает в развитии общественных отношений, в сохранении духовности и нравственности и т.д., то высока вероятность представить мнения в следующей линейке соотносимых категорий: национальная идея — государственная политика — социальная и духовная культура — нация и этнос и т.д. Если *этничность* — это оператор отношений между обществом, тяготеющим к построению и развитию многочисленных социальных институтов, и носителями культуры, ориентированными на самодостаточность своих культурных ценностей и норм, сохранение их для последующих поколений практически в неизменном виде, то *национальная идея* — это комплекс ценностей и норм для придания культуросцентричного направления в развитии социальных институтов. Размышляя о национальной идее, В.М. Межуев приходит к выводу о том, что «...Россия искала и пыталась выразить в своей культуре некоторое универсальное начало, способное объединить людей и народы в общепланетарном масштабе»⁷. Кажется, что искать только в культуре способы и механизмы единения людей сегодня проблема проблем. Человек полностью занят в социальных конструктах и проектах эпохи, которые притупляют в нем чувство культуры, заботы о культуре, а, следовательно, утрачивает свою актуальность в повседневной жизни человека и этничность. Это в свою очередь влечет за собой пренебрежение ключевыми для удостоверения этничности ценностно-нормативными комплексами, такими, например, как язык (отсюда вопиющая безграмотность населения, равнодушное отношение к языку и в целом неспособность к коммуникации), историческая память и другими. Внимание социолога к «срезу» этничности населения или общества так или иначе должно вывести его на проблему тонкую и важную — проблему национальной идеи.

Если сегодня любое явление жизни так или иначе подходит под определение социального института или по крайней мере находится на пути институционализации, то и ценности все в большей степени приобретают характер не личностных, а общественных. По мысли П. С. Гуревича, «современная социальная практика показывает, что отдельные социумы утрачивают необходимую соразмер-

ность. Сводится до минимума, к примеру, духовная сфера общества... Политика способна проникнуть во все сферы общественной жизни, создавая феномен тотальной политизации»⁸. Действительно, перед человеком стоит сложная задача — принять социальное за свое, индивидуальное, личностное, но при этом не утратить своего облика и сохранить «этническое благополучие». В социологии последнего времени нередко предпринимаются исследования социального благополучия, но можно ли вести речь и о благополучии *этническом*, при котором достигается некое корректное равновесие (гармония здесь, по-видимому, недостижима ни при каких условиях) между обществом, устанавливающим приоритеты в национальной политике, и носителем культуры, склоняющимся в сторону и мультикультурализма, и этноцентризма. Удастся ли человеку сохранить это зыбкое состояние? Задача этносоциологии заключается в выявлении таких особенностей человека (помимо уже известных и в то же время не имеющих какого-либо однозначного смыслового толкования в социально-гуманитарном знании, как-то: ментальности, национального характера и других), которые могли бы указывать на этническое благополучие человека. По-видимому, в отношении государства в случае с этническим благополучием нужно вести речь прежде всего об эффективности национальной политики, о способности институтов государства поддерживать на всей территории состояние национальной безопасности; в отношении общества этническое благополучие может рассматриваться в качестве одной из характеристик гражданского общества, понимаемого «как определенная идея (можно — идеал), призыв на пути совершенствования общественных отношений» и «как свобода выбора образа жизни личности»⁹. Выбор образа жизни человека, как представляется, не совсем согласуется с его возможным этническим благополучием, поскольку оно зависит от особого типа общественных отношений и главное — от того, насколько человек адекватно соотносит себя с самобытной традиционной культурой. Тогда можно ли говорить, к примеру, об этническом благополучии, если носитель культуры постоянно находится в культурно подготовленном обществе или таком

⁷ Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 9.

⁸ Гуревич П.С. Феномен стабильного общества // Философия и культура. 2011. № 8. С. 64.

⁹ Орлова О.В. Понятие и предпосылки возникновения и развития гражданского общества в России // Государство и право. 2013. № 7. С. 20, 21.

обществе, в котором сильно влияние архаичных, но не потерявших своей актуальности норм и ценностей? Ответ на этот вопрос может дать этносоциология, если обратит внимание на факт этнической самоизоляции носителей культуры в условиях мультикультурализма — еще большего и подчас агрессивного отстаивания и культивирования присутствующих им этнических черт, что создаст предпосылки для возникновения сложных конфликтов на национальной почве. Выявление таких «гиперактивных» состояний носителей культуры — это значимый для этносоциологии вопрос; в культурно подготовленном обществе элемент этнической напряженности может быть довольно значительным и между тем латентным, не явно проявляющим себя.

Концепция личности в двадцать первом столетии — вещь особенная и для социокультурной реальности, и для науки. Собственно, постмодерн приучил нас настолько скептически относиться к человеку и его окружению, что нередко на месте человека мы стали замечать некие операциональные безликие схемы и механизмы, а процессы глобализации усиливали впечатление о потерянном человеке, утратившим связь со своей родной культурой. Такая картина есть свидетельство тому, что место парадоксальному человеку в парадоксальном обществе. Если исходить из положения, согласно которому, по утверждению М.О. Мнацаканяна, «у каждого народа и общества свои, особые и характерные для них парадоксальные явления, процессы, ситуации...»¹⁰, то и этносоциология должна как будто обратиться в своих исследованиях к парадоксальной стороне бытия человека. Парадоксы менталитета и национального характера носителей культуры складываются таким образом, что концепция человека, как правило, отражает преломление борьбы или противостояния личности и государства, государства и общества, но практически безучастной остается к этнонациональной специфике общественных отношений. Ясно, что «акцент» на ментальности может заметно преобразовать концепцию человека, поставив ее в зависимость от традиционных социокультурных устоев, в то время как концепция человека — категория обобщающая, направленная на создание образа или символа эпохи и в этом смысле не совсем социологическая, надо добавить. Вместе с тем именно при построении концепции человека возникает интуиция социального, так необходимая

любому исследователю и, разумеется, социологу тоже. Любая концепция человека парадоксальна в той степени, в которой от смены эпох меняются либо черты ментальности (если меняются), либо особенности национального характера и, что, безусловно, меняется государство и общество. Как нам кажется, за этничностью кроется важная основа таких мировоззренческих построений, и социологу предстоит ответить на ряд вопросов, которые не без основания можно назвать ключевыми в описании концепции человека; в частности, необходимо выяснить не просто отношение носителей культуры к тем или иным атрибутам социальной реальности — богатству и бедности, например, но и измерить коллективную энергию, формирующую национальную общность и в то же время сдерживающую проникновение в нее явлений разрушительных — из глобального мира.

Для любой национальной общности важен накопленный носителями культуры опыт «переживания» общественных отношений, возникающих в различных сферах индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, суммарное выражение этого опыта, а кроме того, и его атрибутивное воплощение — это не просто некий отвлеченный набор ценностей и норм, а обязательно основанная на ценностях и нормах жизнеутверждающая установка в труде, семейных отношениях, в повседневном бытии и т.д. По мысли А.С. Ахиезера, «сконцентрированный в культуре накопленный опыт превращается в программу воспроизводства, фокусируется в личности, испытывает органическую перестройку, перефокусацию, переосмысление, интерпретацию...»¹¹. Строго говоря, любая национальная общность должна для подтверждения своей самодостаточности осуществлять все вышеперечисленные «процедуры» «перестройки», «перефокусации» и другие, чтобы за своей уникальностью не утратить включенность в социальную реальность и вдруг не начать «перефокусировать» культурные коды на экстремистские программы отстаивания собственной значимости. Задача этносоциологии как раз и состоит в том, чтобы раскрыть все нюансы «прохождения» накопленного опыта от поколения к поколению и распознать возможные негативные отступления от этого процесса.

¹⁰ Мнацаканян М.О. Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социол. исследования. 2006. № 6. С. 15.

¹¹ Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (взгляд из России) // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 6.

Список литературы:

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Степени этничности как основа национальной политики // Социол. исследования. 2013. № 10.
2. Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (взгляд из России) // Вопросы философии. 1998. № 2.
3. Бабочкин П.И., Камалдинова Э.Ш. Социальная и культурная реальность современного российского общества // Философия и культура. 2012. № 8. С. 41–45.
4. Беляев В.А. К идее интеркультуры // NB: Философские исследования. 2013. № 5. С. 309–346. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_443.html).
5. Беляев В.А. Кризис интеркультуры и «столкновение цивилизаций» // NB: Философские исследования. 2013. № 8. С. 117–146. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_662.html).
6. Беляев В.А. Кризис интеркультуры и культурные ремиссии // NB: Философские исследования. 2013. № 7. С. 580–617. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_557.html).
7. Гезалов А.А. Проявление социокультурных противоречий в нелинейном глобализирующемся мире и пути их преодоления // Философия и культура. 2012. № 2. С. 71–79.
8. Гуревич П.С. Феномен стабильного общества // Философия и культура. 2011. № 8.
9. Киященко Н.И. Нулевая идентичность // Философия и культура. 2013. № 12. С. 1747–1756.
10. Козырев Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социол. исследования. 2005. № 8.
11. Копцева Н.П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 12. С. 1–16. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10768.html).
12. Копцева Н.П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия // NB: Культуры и искусства. 2014. № 1. С. 17–30. (URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_10989.html).
13. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социол. исследования. 2013. № 5.
14. Кучинов А.М. Анализ социокультурных факторов политики: поиски новых теорий и методов // NB: Философские исследования. 2013. № 2. С. 72–121. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_412.html).
15. Кучинов А.М. Подход к анализу политического процесса через его взаимосвязь с социокультурной динамикой — альтернатива подходу «политической культуры» // NB: Культуры и искусства. 2013. № 4. С. 43–52. (URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_5567.html).
16. Лактионова Н.Я. Языковая культура как условие сохранения нации // Соц.-гуманитарные знания. 2013. № 1.
17. Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12.
18. Мнацаканян М.О. Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социол. исследования. 2006. № 6.
19. Орлова О.В. Понятие и предпосылки возникновения и развития гражданского общества в России // Государство и право. 2013. № 7.
20. Осин В.Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9.
21. Попов Е.А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // NB: Философские исследования. 2013. № 3. С. 170–204. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
22. Попов Е.А. Социокультурная ситуация в современном российском регионе и муниципальном образовании: социально-экономическая, национально-культурная, духовно-консолидирующая и этносоциальная специфика // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 2. С. 269–321. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_362.html).
23. Попов Е.А. Социокультурная ситуация в современном российском регионе и муниципальном образовании: социально-экономическая, национально-культурная, духовно-консолидирующая и этносоциальная специфика // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 2. С. 269–321. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_362.html).
24. Следзевский И.В. Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией // Обществ. науки и современность. 2013. № 2.
25. Ставцева О.И. Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма. // Философия и культура. 2012. № 9. С. 173–179.

References (transliteration):

1. Abramova M.A., Goncharova G.S. Stepeni etnichnosti kak osnova natsional'noi politiki // Sotsiol. issledovaniya. 2013. № 10.
2. Akhiezer A.S. Ob osobennostyakh sovremennogo filosofstvovaniya (vzglyad iz Rossii) // Voprosy filosofii. 1998. № 2.
3. Babochkin P.I., Kamaldinova E.Sh. Sotsial'naya i kul'turnaya real'nost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 8. S. 41–45.
4. Belyaev V.A. K idee interkul'tury // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 5. S. 309–346. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_443.html).
5. Belyaev V.A. Krizis interkul'tury i «stolknovenie tsivilizatsii» // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 8. S. 117–146. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_662.html).
6. Belyaev V.A. Krizis interkul'tury i kul'turnye remissii // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 7. S. 580–617. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_557.html).
7. Gezalov A.A. Proyavlenie sotsiokul'turnykh protivorechii v nelineinom globaliziruyushchemsya mire i puti ikh preodoleniya // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 2. S. 71–79.
8. Gurevich P.S. Fenomen stabil'nogo obshchestva // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 8.
9. Kiyashchenko N.I. Nulevaya identichnost' // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 12. S. 1747–1756.
10. Kozyrev G.I. Sotsial'noe deistvie, vzaimodeistvie, povedenie i sotsial'nyi kontrol' // Sotsiol. issledovaniya. 2005. № 8.
11. Koptseva N.P. K voprosu o sokhraneni i vosproizvodstve traditsionnoi kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v Sibirskom federal'nom okruge // NB: Problemy obshchestva i politiki. 2013. № 12. S. 1–16. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10768.html).
12. Koptseva N.P. Sovremennye kul'turnye praktiki sokhraneniya etnicheskoi identichnosti korennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v Respublike Buryatiya // NB: Kul'tury i iskusstva. 2014. № 1. S. 17–30. (URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_10989.html).
13. Kravchenko S.A. Stanoviyashchayasya slozhnaya sotsial'naya real'nost': problema novykh uyazvimostei // Sotsiol. issledovaniya. 2013. № 5.
14. Kuchinov A.M. Analiz sotsiokul'turnykh faktorov politiki: poiski novykh teorii i metodov // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 2. S. 72–121. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_412.html).
15. Kuchinov A.M. Podkhod k analizu politicheskogo protsessa cherez ego vzaimosvyaz' s sotsiokul'turnoi dinamiko — al'ternativa podkhodu «politicheskoi kul'tury» // NB: Kul'tury i iskusstva. 2013. № 4. S. 43–52. (URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_5567.html).
16. Laktionova N.Ya. Yazykovaya kul'tura kak uslovie sokhraneniya natsii // Sots.-gumanitarnye znaniya. 2013. № 1.
17. Mezhuiev V.M. O natsional'noi idee // Voprosy filosofii. 1997. № 12.
18. Mnatsakanyan M.O. Paradoksal'nyi chelovek v paradoksal'nom obshchestve // Sotsiol. issledovaniya. 2006. № 6.
19. Orlova O.V. Ponyatie i predposylki vozniknoveniya i razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 7.
20. Osin V.N. Obshchepriznannye sotsial'nye tsennosti (svoboda, pravo, prava i svobody, gosudarstvo) i pravovoi mentalitet // Voprosy filosofii. 2012. № 9.
21. Popov E.A. Kul'tura, obshchestvo i chelovek v ob'ektno-predmetnom pole sovremennoi sotsial'noi kul'turologii i sotsiologii kul'tury // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 170–204. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
22. Popov E.A. Sotsiokul'turnaya situatsiya v sovremennom rossiiskom regione i munitsipal'nom obrazovanii: sotsial'no-ekonomicheskaya, natsional'no-kul'turnaya, dukhovno-konsolidiruyushchaya i etnosotsial'naya spetsifika // NB: Problemy obshchestva i politiki. 2013. № 2. S. 269–321. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_362.html).
23. Popov E.A. Sotsiokul'turnaya situatsiya v sovremennom rossiiskom regione i munitsipal'nom obrazovanii: sotsial'no-ekonomicheskaya, natsional'no-kul'turnaya, dukhovno-konsolidiruyushchaya i etnosotsial'naya spetsifika // NB: Problemy obshchestva i politiki. 2013. № 2. S. 269–321. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_362.html).
24. Sledzevskii I.V. Mul'tikul'turalizm: khрупkii balans mezhd u integratsiei i dezintegratsiei // Obshchestv. nauki i sovremennost'. 2013. № 2.
25. Stavtseva O.I. Dialog kul'tur na fone krizisa mul'tikul'turalizma // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 9. S. 173–179.